

Рассказы молодых писателей одного поколения часто странным образом похожи – они перекликаются тематически, стилистически, заселены героями, которые словно выросли на одной улице. Как будто для литературных ровесников действительно существует некая общая оптика, одно окно, через которое они и смотрят на этот мир, смотрят по-разному, но под одним и тем же углом.

Денис Банников – автор особый. Несмотря на молодость, он живет совсем за другим окном, причудливым, витражным, и тексты его невозможно уложить ни в какие литературные или поколенческие схемы. Многие писатели идут к этому одиночеству годами – и не приходят никогда. А Денис Банников как будто родился свободным.

«Кожа, без которой можно обойтись» – рассказ удивительно взрослый и удивительно сложный. Неприятный главный герой, он же – властный, даже назойливый рассказчик, буквально заставляющий читателя делать и видеть то, что угодно ему, подчеркнутая многослойность текста, предельная (почти до выпадения кристаллов) стилистическая насыщенность – на каждом этапе легко проваливаются даже маститые авторы, а Денис Банников справляется играючи, даже весело, нигде не опускаясь до поддавок. Даже разгадывание литературных загадок (а их в рассказе немало) становится не увлекательным приключением, а, скорее, инициацией. Несмотря на то что рассказчик всегда с легкой издевкой сообщает нам в скобках, что перед нами цитата, большая их часть не гуглится – и ты либо знаешь то, о чем говорит герой, и проходишь на следующий уровень, либо так и скользишь по темной поверхности текста, способный увидеть

сквозь полупрозрачную толщу все новые и новые слои, но не способный к ним прорваться. Немногие читатели любят такие игры, немногие писатели осмеливаются их предлагать.

А вот Денис Банников – осмеливается. Он вообще удивительным образом ничего не боится – непохожести на других, физиологических подробностей, усложненной структуры, обилия деталей (его герой наделен почти нечеловеческой наблюдательностью) – и поразительным образом все это делает нас словно соучастниками, соавторами текста.

И в этой редкой для молодого автора свободе, как мне кажется, и есть главное достоинство рассказа.

Марина Степнова

*When you're ripe
you'll bleed out of control.*

Взгляните на дверь.

Нет, не на эту, эта в ванную.

На ту, что левее.

На входную.

Гладкое полотно, сутулая ручка. Видите зазор между нижней гранью и полом? Слышите шаги? Вот полоска света тускнеет, уступает место черноте... нет, не так... все не так... Прошу прощения, я могу лучше.

Давайте отмотаем.

Надо с начала, с захлестом.

Представьте, над моей головой – табло, на табло – цифры, а моргнешь – буквы; складывается, как из счетных палочек, расписание поездов, и тут же вписано в черные прямоугольники, нависающие по обе стороны перрона. Чуть раньше состав дал по тормозам, на меня свалилась чья-то сумка. Кажется, был звук бьющегося стекла, а может, я его додумал, чтобы теперь драматизировать, но совершенно точно за моей спиной ахнули – лицо у него было такое, будто очнулся во время колоноскопии.

Я попросил прощения, вышел. Складывалось, как из счетных палочек, расписание, но за меня все давно посчитано.

И вот представьте, как я шагаю вдоль этой навязчиво белой полосы, отделяющей меня от железнодоро-

рожных путей, кругом стрекот колесиков, бубнеж, впереди с ноги на ногу переваливается туша – сумка через плечо, рубашка пристала к телу, пятна пота меж лопаток срослись в грустную рожицу. Надо было обгонять, иначе я бы опоздал. Ускоряясь, я глядел себе под ноги, и только обогнув нос поезда, заметил, что у края платформы столпились люди. Какая-то суета – тарачились вниз, переглядывались, один достал телефон, другой зачерпывал воздух рукой, подзывал народ.

Едва я замешкался, металлический голос привел меня в чувство.

На девятый путь.

Поезд прибывал, я отбывал.

Взвыла рамка, кого-то отправили на досмотр.

Я подзатянул ремень из натуральной кожи, я поправил вельветовые брюки, натиравшие в промежности (я не хвастаюсь, я констатирую). Представьте, как у меня соплит нос, как я пересекаю вестибюль. Вишнево-слоеное под целлофановым покрывалом, хачапури, сосиска в тесте. Кто-то просыпал сдачу, тихо выругался – нет, – выругалась. С прилавков на меня кричали новостные заголовки, русским по белому все самое актуальное. Уныло, как в пещере (это цитата). Мимолетно – свистящее причмокивание, с которым губы отрываются от щеки после долгого поцелуя. Вздувшиеся вены на руках, тяжелый багаж на ленте. Не у меня, у меня

только рюкзак – приросший к спине горб, – туго затянутая лямка давила на плечо, на то место, где вскочил прыщ. Но я главное своего горба (это цитата). Я решаю, что внутри. Кое-какие бумаги внутри, ноутбук внутри, зарядка (для ноутбука, для телефона), книга, щетка для обуви, ластик для обуви, колодки для обуви, очечник из натуральной кожи, бархатная тряпочка, записная книжка с закладкой ляссе, гелевые ручки, хлопчатобумажные брюки, чтобы ходить в номере. Я тут надолго не задержусь.

Пятая за месяц командировка, чтобы вы понимали.

Бежевое пятно вокзала осталось позади. На самом деле, в полуденном свете скорее бирюзовое – тусклый аквамарин, как когда-то.

После красного сразу зеленый.

И вот представьте, как у входа в метро измываются над классикой рока – умышленно, под гитару и бубен, отплясывая на хрипящем усилителе, выкидывая слова из песни, чтобы поблагодарить прохожего за брошенную в чехол для гитары монету. Я остановился, достал телефон. Хотя защитная пленка бликовала, я ловко вбил нужный адрес, я прищурился, я огляделся. Мне прямо и до упора. Крошево лиц и затылков, волна о волнорез. Мимо пронеслась машина скорой помощи. Вывески зазывали на ланч, предлагали купить телефон, продиагностировать телефон, починить телефон. Красная звезда обещала военный антиквариат по выгодной цене. В руки сунули флаерс. Я прошел чуть дальше, выкинул. Я задержал дыхание, проходя мимо мусорки, мимо стучавшего по жестяной кружке бомжа.

Черная дверь, какие-то объявления на доске.

Оно? Оно.

Домофон потянул жалобную ноту.

Ну и?

Гудок.

Ступеньки.

Ступеньки, ступеньки.

Второй этаж.

За стойкой сидела девушка. Представьте, что ее светлые волосы собраны в пучок, напоминающий хвостик манты, под арочками бровей — винтовая оправа, в стеклах отражается экран монитора, представьте, как она поднимает свое треугольное лицо – отражаюсь я, мое лицо, мои очки. Конечно, бронировал, что это за вопрос? Я полез за распечаткой брони, но распечатка оказалась не нужна, тогда я полез за паспортом, раскрыл его на развороте с фотографией, почти вложил в раскрытую ладонь, но на полпути случилась неувязка – ее не-

обязательно длинный, как бы выпуклый и вдобавок загнутый ноготь полоснул по обложке, подцепил полупрозрачный кармашек и скovyрнул шов, так что на стойку повалились внутренности. Бумажки, квитки, стикеры, вот и черные на зеленом цифры отражались в ее стеклах, отражался номер моего социального страхования. Кровь тут же прилила к ушам, к самым хрящам, будто бы набухшим и распухшим, наверняка покрасневшимся. Я попросил прощения, и я продолжал извиняться, пока судорожно подбирал бумажки, пока запихивал их обратно, только вот обложка распоролась, так что я просто сунул все в брюки.

И вот представьте, как девушка за стойкой смотрит на мое фото в паспорте, смотрит на меня, как она задерживает взгляд, будто включает детектор лжи какой-то. Она даже придвинулась, приспустила очки, я снял свои, я поправил прическу. Еще мгновение – и пауза стала бы совсем неловкой, я был бы вынужден проткнуть тишину какой-нибудь колкостью, остротой, но тут раздался гудок. Девушка посмотрела на боковой монитор, который заполнило женское лицо. Картинка была выведена в паршивом черно-белом качестве – с рябью и помехами, – так что улица за женщиной выглядела каким-то картонным задником. Женщина настойчиво звонила, но девушка за стойкой только покачала головой и вернулась к моему паспорту. Спустя мгновение грань монитора съела лицо. Женщина ушла.

Девушка за стойкой еще раз глянула в паспорт, на меня, после чего кивнула, будто согласилась с каким-то доводом, в котором поначалу сомневалась. Ее пальцы забегали по клавиатуре, но как-то медленно, до обидного неумело, и вот представьте, как звучит эта невнятная дробь, как временами раздается щелчок, звонкий щелчок, пружинистый, как точка – нет, – восклицательный знак в конце сложносочиненного – нет, – сложноподчиненного предложения. Так звучала певучая клавиша пробела, моя любимая, которая неизменно отделяла одно от другого, но и соединяла, как перекинутое через реку бревно. По экрану ездили красные и синие плитки, какой-то тетрис, еще и мелкий шрифт, который было не разобрать. И вот представьте, как девушка складывает тетрис, глядя в экран, задает мне разные вопросы, но представьте, что говорит она не со мной, а как бы по поводу меня, будто под боком – нет, – за ее спиной стоит собеседник, который то и дело поддакивает. Девушка задавала вопросы, недовольно цокала, когда я медлил, раздувала ноздри, когда я сверялся с заметками в телефоне, – создавалось ощущение, что я не в гости-

Представьте
фаршированные людьми
тоннели, представьте,
что я – тоже из начинки,
я смотрю на свое
отражение в изгвазданном
стекле, поверх моего
лица – надпись,
и здесь можно даже
процитировать:
НЕ ПРИКАСАТЬСЯ

ницу пришел, а к ней домой, и не просто пришел, а заявился без приглашения. Ну и я, конечно, хотел сказать, что если она будет расторопнее барабанить по клавиатуре, то и я быстрее сгину с ее глаз, но я промолчал, задержал дыхание.

Выдохнул.

Пока она вбивала данные, я огляделся.

На стене висели сертификаты – как попало, ни намека на композицию, – бумажки под стеклом, сколько-то там звезд (но уж точно не пять). Представьте, как под ногами примято что-то ворсистое, как оно стелется от порога до арочного проема – то ли ковровин, то ли ковровая плитка, как подбитая шерстка какой-нибудь зверушки. В арочном проеме виднелись столы и ножки стульев, доносился закадровый смех. У этого же проема – холодильник, рядом с которым стояла старушка. И вот представьте, как она стоит возле открытой дверцы, упакованная в халат мышинного цвета, в мешковатый халат с малиновой клеткой. В одной руке старушка держала кулек, в другой – маркер, которым что-то выводила поверх фольги.

Раздался звук, с которым собирают слюну. Принтер выплюнул лист бумаги. Я взял торчавшую из держателя ручку, натянул пружину и поставил подпись поверх скрюченной галочки (можно подумать, сам бы я не разобрался). Вот представьте, как девушка спрашивает, нужна ли мне квитанция для работодателя, кассовый чек, а про себя я думаю, что если она не поторопится, то мне понадобится не только чек, но и работодатель.

Номер пока не готов.

Стирать в первой половине дня, свою еду подпихивать.

И вот представьте, как я разглядываю ключ-карту – кусок серого пластика, пошлые стразы, по центру – клякса, – видимо, задумывалась снежинка, но выглядело так, будто раздавили медузу. Серебром по серебру – стилизованный шрифт, и здесь можно даже процитировать:

*Руна путешествий, справедливости и порядка.
Пусть руна хранит вас в пути!*

Я убрал карту в карман брюк.

Вот представьте, как я называю девушке адрес и прошу сориентировать, как она нехотя достает карту города, разворачивает ее, распрямляет и, натянув пружину, ставит две галочки. Мы – тут. Они – там. А говорили, что контора в пешей доступности, но, надо полагать, – что угодно в пешей доступности, если сильно захотеть. Я думал вызвать такси, но свободных машин не оказалось, предлагали подождать. Ждать я не мог.

Я не торопился, но поторапливался.

Гудок.

На той стороне улицы, в углублении, заземлился газетный киоск – квадратный, с мозаичным стеклом и массивным козырьком. Я подумал, на обратной дороге хорошо бы прикупить обложку для паспорта. Позади киоска тянулись магазины, ряды витрин, на месте вывесок – пустые бетонные прямоугольники. Отвечивало, так что прочитать не получалось.

Я шел по улице.

Почти развязался шнурок.

Я подумал, когда совсем развяжется, тогда и поговорим.

Представьте, будто включилась обратная перемотка – снова бомж, снова флаерс, но на этот раз я уклоняюсь, снова красная звезда. Под подошвой дрогнул канализационный люк, на секунду дрогнуло мое сердце. У метро все еще пели, все еще плохо. Хвала небесам, я подросел в момент затишья – полукруг зевак редел, косматые музыканты курили, возложив руки на гриф гитары, зажав барабанные палочки под мышкой. Вокалист жадно хлебал из термоса. И вот представьте, как раздастся лязг монетки – нет, – лязг жетона в жестяном брюхе турникета, как загорается зеленая стрелка. Я видел, как люди в форме тащат кого-то под руки, уводят за тонированное стекло – нет, – как девушка прихорашивает свое подернутое волной отражение в двери с надписью, и тут можно даже процитировать:

ПОЛИЦИЯ

Представьте фаршированные людьми тоннели, представьте, что я – тоже из начинки, я смотрю на свое отражение в изгвазданном стекле, поверх моего лица – надпись, и здесь можно даже процитировать:

НЕ ПРИКАСАТЬСЯ

– нет, –

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

Представьте полупустой вагон, как слева от меня женщина читает гороскоп (Рыбы или Рак), напротив – мужчина и женщина, сидят бок о бок, вот она засыпает, головой клонится к его плечу, а потом вздрагивает и выпрямляется, и так по кругу. Или незнакомы, или давно женаты.

Вот представьте, как я шагаю по платформе – куда более оживленной, чем та, с которой я отбывал, – шагаю вдоль линии. Мимо прошел лысый мужчина, под мышкой он нес обернутую в целлофан автомобильную дверь – просунув руку в отверстие для стекла, второй поддерживая снизу. На секунду мы встретились глазами – нет, – он стрельнул глазами и прижал дверь к себе, будто опасался, что я отниму его сокровище.

Я вышел из метро.

Представьте, что пейзаж почти не изменился: те же гудящие улицы, те же каменные домишки, так же жмутся друг к другу витрины, разве что на горизонте из штриховки каких-то деревьев вырастет здание. Я вроде как успевал, что было прекрасно, я как-то даже ободрился, особенно учитывая, что все вокруг застряли в пробке, давили на клаксоны, а я будто по выделенке ехал, точнее, шагал, шагал по выделенке, едва не подпрыгивал, будто ступал не по булыжникам, а по обращенным кверху ступням, которые соприкасались с моими на встречном ходу. Я глазел на вдвинутое в небо острие: верхушка здания пополамила солнечный диск, свет растворялся в окнах – нет, – в стекле, все здание было одно сплошное стекло, а за стеклом в желтом маре плавали зигзаги лестниц и квадраты офисных коробок. Мне предстояло нарушить эту геометрию. Над головой висело одинокое облако, пухлое, похожее на общипанный кусок ваты. Встречный ветер обдувал взмокшее тело. Я приблизился к основанию здания, и вот представьте, едва я прохожу мимо шлагбаума, он резко опускается, как бы разрезая ткань на два лоскута, так что по мою сторону остается городская коптильня, а по ту – прохлада подземной парковки. Я обогнул здание. Редкие лужайки были как островки в каменных джунглях, как сбой в программе. Куращая компания – чья-то подошва раздавила окурок, втоптала темно-серое

в серое. Пока все толпились у крыльца, я ринулся к пандусу.

Шаг за два, как в детстве, и я внутри.

По левую руку – витрина, цветными мелками на доске выведены цены, в банке два пальца мелочи и скомканная купюра. Меня поприветствовали, я рефлекторно улыбнулся. Представьте, за стойкой сидит девушка. К уху, прикрытая светлым локоном, прижата трубка. На девушке был пиджак с плечиками, в вырезе – лунный камень, волосы свернуты и закручены кверху – уложены, как крем в вафельном рожке. Глянула на меня, демонстративно подняла палец, как бы давая понять – минутку.

Я постучал пальцем по запястью.

Пожала плечами, продолжила говорить.

Я вернулся к витрине, заказал латте на кокосовом молоке.

А какие есть? Я взял с мятным – нет, – с карамельным сиропом. Представьте молочную пенку в форме сердца. Картонки у них не было, так что я обернул стакан салфеткой. Я отхлебнул. Большое спасибо.

Девушка за стойкой продолжала говорить, но теперь на полтона ниже – нет, – тише, будто боялась, что я подслушаю что-то конфиденциальное. Нехотя протянула руку, в которую я вложил паспорт. Раскрыла, посмотрела на фото в паспорте, на меня, снова на фото, я снял очки, поправил волосы, она еще какое-то время тарачилась, затем шепнула что-то в трубку, прикрыла дырчатый диск ладонью и обратилась уже ко мне.

Конечно, в списках, что это за вопрос?

Девушка вновь буркнула что-то в телефон, оставила трубку лежать на базе и уткнулась в монитор. Вернула мне паспорт вместе с картой. Вот представьте – такая белая пластинка, похожа на номерок в театре.

Я приложил карту к турникету, раздался гудок, раздался выдох облегчения за спиной. Я убрал карту в карман брюк и побрел в лобби, вот представьте – колонны и колонны между колоннами, темный мрамор с прожилками, жирными трещинами, кое-где – вкрапления серого. Выглядело так, будто губкой затерли. В толщу мрамора врезаны двери лифта. Я подступился к ближайшей приборной панели, я нажал на кнопку – нет, – сперва я вынул телефон и удостоверился, что верно помню этаж, а уже потом нажал на кнопку. Я ждал, подтягивался народ, я отхлебывал кофе, который становился все слаще и слаще, все больше чувствовалась мята.

Наконец, я вышел на своем этаже.

Представьте стройные ряды деревянных – нет, – пластиковых перегородок с деревянной текстурой, за которыми попрятались работники. Держу пари – сверху все это напоминало лабиринт для лабораторной мыши.

Вот представьте – лампочки на оголенных проводах, неровности штукатурки, я шагаю по стрелочкам на полу, как в какой-нибудь примитивной видеоигре, и совершенно внезапно – хромированная сталь, пресловутые турникеты, а за ними – еще одна стойка, еще одна девушка.

Боковым зрением заметила меня, нахохлилась.

Есть ли я в списках?

Да вы шутите.

Я было потянулся за паспортом – нет, – за телефоном, но девушка меня опередила, пробурчала что-то в интерком; пауза, шипение, прорезался писклявый голос. А вот и он – сперва выглянул из-за угла, как из-за дерева, затем показался в полный рост: ниже меня на голову, поперек себя шире, вскинул руку, как будто официанта подозвал, и вот представьте, как он тянет эту руку, хочет пожать мою. Он шел чуть впереди. Представьте, что костюмчик на нем не сидит, а отбывает наказание, бугрится застиранная голубая сорочка – растегнуты верхние пуговицы, представьте, как над этими пуговицами нависает жабий подбородок, поверх которого тянется красная полоска – след от стойки воротника. Еще и какие-то претензии на бороду. Он был весь загорелый, румяный, его нос облезал, особенно на переносице. Бормотал сквозь одышку. Перво-наперво предложил чай, кофе, но я поднял свой стакан, будто собирался произнести тост.

Мы вышли на площадку с панорамным остеклением.

Солнечный свет бился о стекло, просачивался сквозь мутную пленку и аляповатыми пятнами ложился на пол. Я смотрел за окно, на покатые крыши, на автомобильную пробку, я смотрел и видел напо-

минание о себе, идущем ко входу в здание. Отсюда все казалось каким-то необязательным и несущественным, вызывающе хаотичным, будто палкой поворошили муравейник. Я думал, как быстро человек может подняться, стоит только ему перестать думать о себе и начать думать о себе (это парафраз).

Жиробас окликнул, поманил рукой.

Меня окружили обнаженные фермы и перекладины; потолок не потолок, а пенокартон, широкие плитки с кучей отверстий, поперек которых тянулась замазанная черной краской труба. Мы двинулись дальше. Представьте стройные ряды деревянных – нет, – пластиковых перегородок с деревянной текстурой, за которыми попрятались работники. Держу пари – сверху все это напоминало лабиринт для лабораторной мыши.

Спасибо, я и сам догадался, что это рабочая зона.

По правую руку виднелась дверь, за ней – открытая веранда.

Курилка, надо думать.

Но никто не курил, все сидели в своих норках и не дышали.

Все ждали – нет, – выжидали момент, когда можно будет свернуть таблицы и вернуться к перепискам, к картинкам и видео. Периодически я ловил на себе беглый взгляд, который при соприкосновении с моим тут же рикошетил к экрану монитора – забавная игра, как лупить по выскакивающим из дырок хомьякам. Чем ближе мы подходили к перегородкам, тем громче стучали клавиатуры, клацали мышки, тем задумчивее становился взгляд. Вот представьте, я заглядываю за одну из стенок, представьте, как бухгалтерообразный парень старается не подавать виду, как напрягаются мышцы его шеи. У входа висела пробковая доска, к которой булавками были пришпилены бумажки, стикеры на мониторе, линейки, степлер, развал документов по столу, простенькая лампа с регулятором наклона.

Жиробас шел впереди, выбрасывая руки во все стороны. Здесь у нас это, там у нас то, для удобства мы передвинули это сюда, для оптимизации мы оборудовали то-то тем-то. И так далее. Он то и дело оборачивался, проверяя, не отстал ли я, и все время похлопывал себя по нагрудному карману, словно проверяя, не пропала ли пачка сигарет... или не давая сердцу заглохнуть – подумал я про себя и невольно улыбнулся. Нет, это я о своем. Пожалуйста, продолжайте. Мы дошли до зоны отдыха: стол, несколько пуфиков – красных, синих и зачем-то полосатых, – в углу чахло растение, каркасный стеллаж, некоторые книги завалены набок, будто их читали. К стене прислонена тумба, на тумбе – миска

сухофруктов. Нетронутая композиция, идеальная пирамидка. Жиробас подошел к кулеру, булькнули пузырьки, одним махом осушил пластиковый стаканчик, с треском смял и выкинул его в урну. Все срежиссировано как надо, не прикопаться.

А это переговорная?

Стекланные панели встык, стекло было матовое, как стенки контейнера для еды, только крышкой не накрыто. Стол со всех сторон облепили костюмчики, на столе – проектор, на экране – изображения. Костюмчики смотрели на какую-то модель в разрезе, и вот представьте, что чертеж напоминает музыкальную шкатулку с рычажком, с заводным механизмом. В чем суть, вам знать не обязательно, да вы и не поймете ничего, но в разное время на слайдах мелькали слова, и здесь можно даже процитировать:

ДАТЧИК
КОНТРОЛЬ
ДАВЛЕНИЕ

Презентация закончилась, выступавший еще что-то сказал, а потом отмахнулся от остальных, будто все они были плодом его воображения.

Представьте, как мы сидим в кабинете жиробаса – я на стуле, а он на такого державного вида кресле. Дверь закрыта, жалюзи опущены. И вот представьте длинный стол из массива дерева, стопки бумаг, такими же бумагами забиты полки на задней стене. По центру стола – прямоугольник сукна, как на бильярде. На откидной ножке – рамка, в рамке – семейное фото. Бликовало, но я разглядел. Сносная жена, жирные дети. Хотя над ухом жужжал кондиционер, на столе, мерно покручиваясь, разгонял воздух маленький красный вентилятор. Я поставил кофе и достал ноутбук.

Вот представьте, как жиробас сидит, сложив руки на животе, пальцы в замок, сидит валяжно, будто я к нему на собеседование пришел. Представьте эту картинку, а поверх – мой спокойный голос. Я задавал вопросы. Конкретику вам знать не обязательно, вы все равно ничего не поймете, но знайте, что я был хорош, знайте – чем больше свободы им даешь, тем скорее развязывается язык. Представьте, как жиробас говорит, почесывая нос, как ошметки кожи падают на сукно, и пока он говорит, я гляжу, я гляжу то на него, то в проем под столом, где дрыгаются его куриные ножки, – штанины задрались, обнажив полоску белесой кожи между носками и кромкой ткани, обнажив темные кудряшки. Пару раз он отвлекался на звонки, с кем-то ворковал, а когда отрывал телефон от уха, на экране оставались капельки пота, которые он растирал жирным пальцем – давил, как пупырышки на упаковке. Нече-

го сдирать защитную пленку, кретин. Все это время я молча попивал латте, слушал и кивал, я задавал вопросы без особого нажима. И вот когда жиробас расслабился, когда совсем потерял бдительность, едва начались разговоры на отвлеченные темы, вот тогда я захлопнул крышку ноутбука, сделал нарочито долгий глоток и попросил – нет, – потребовал прислать все документы мне на электронную почту.

Я стоял, а жиробас все еще сидел.

Представьте, как он шевелит губами, молчит что-то на своем рыбьем наречии, но только переводит воздух, которого и так было маловато. Жиробас оторвал спину от спинки кресла, на выдохе оттянул воротник и поглядел по сторонам, будто ожидал помощи зала. Прежде чем он опомнился, я сунул свою визитную карточку, а пока он ее разглядывал – я положил на стол бумагу. Он подписал, вывел свой поросячий хвостик, я попросил прощения и сообщил, что тороплюсь. И вот представьте – такая презентация из одного слайда. Жиробас растерян, но все же кивнул – кивок пациента, услышавшего диагноз. А я взял стакан и пошел к выходу. Жиробас тут же подорвался с места, бросился открывать дверь, но своими сиськами впечатался в мой локоть, так что кофе расплескался, пролился мне же на вельвет. Как же он переполошился. И хотя я, конечно, подумал, что это была расчетливая месть, такой школьный способ поквитаться, все же по тому, как жиробас залепетал, как он полез в ящик за салфетками, я понял, что его куриных мозгов никак не хватило бы на такой поступок.

Я попросил прощения за инцидент.

Вышел из кабинета, прикрываясь рюкзаком, словно полотенцем, – запустил руку внутрь и притворялся, будто что-то ищу. Из-за перегородки брызнул смех, такое девичье хи-хи, и краем глаза я заметил в стекле отражение ладони, прикрывавшей это хи-хи. Эти хи-хи. Смейтесь-смейтесь. Я одной десятеричной запятой отправлю всех вас за кассу флажками размахивать, все ваши жалкие судьбинуски у меня в одной таблице, я одним отчетом спущу ваши задницы кубарем по карьерной лестнице, будете получать зарплату деньгами из «Монополии», будете выживать благодаря случайной доброте (это цитата). Вот потеха будет, вот тогда поржем.

Я миновал перегородки, нажал на кнопку, на этот раз лифт приехал быстро, быстро вернул меня в лобби, к турникету я тоже подошел быстро.

Я посмотрел на турникет, на прорезь, залез в карман, карта упала на дно, а я двинулся дальше, но перекладина не провернулась – только обман-

чиво подалась вперед и застопорилась, как ремень безопасности. Я попытался надавить, чуть навалиться – все безрезультатно. Я посмотрел на девушку за стойкой, она безразлично похлопала глазами. В общем, прошло какое-то время, прежде чем я залез в карман брюк, вынул пластиковый номерок и осознал, что скормил турникету ключ-карту из гостиницы.

Было стыдно, но было не до этого.

Нырнув под турникет, я подошел к стойке, я попросил прощения, попросил помощи, вернул номерок, попросил выволить карту.

Серьезно, разбирать? И что, у него выходной?

Представьте, как мне на выбор предложили две пилюли (это отсылка) – подождать, пока вызовут другого умельца, то есть часа полтора (по всему было ясно, что это – проверка на вшивость), или подождать до завтра, завтра выйдет мастер. И вот представьте, как я раздумываю, а девушка тарашит-ся на мои брюки, на мокрое пятно, которое находится как раз на уровне ее глаз, и она почти не моргает, а у меня чешется голова, я чувствую, будто меня обманом загнали в мое же тело и выкинули ключик.

Условились, что заеду завтра.

Вынув телефон, я выскочил на улицу, но прошел несколько метров и вернулся под навес. Я и не заметил, как начался дождь, я и не заметил, что на улице потоп. Я попытался вызвать такси, но это оказалось не так-то просто – за несколько секунд под ливнем защитная пленка намочла, поэтому экран плохо реагировал на нажатия. В итоге я вызвал машину, которая должно была приехать через три, пять, три, и того приехала где-то через десять с небольшим минут, остановившись на другой стороне улицы – у высокого столба, на котором должен был висеть, но не висел дорожный знак, зато развивались торчавшие из наконечника космы целлофана.

Вот представьте, как я, вскинув руки, прикрывая голову рюкзаком, оглядываюсь по сторонам, как пересекаю трамвайные пути и открываю дверь, как сажусь сзади, ставлю рюкзак в ноги. В зеркале заднего вида – излом чернящих бровей, на рамке зеркала болтается какая-то безделушка. Конечно, не местный. Короткая стрижка, россыпь перхоти на плечах, на футболке. Колени упирались в спинку, я попросил подвинуть сиденье.

Представьте, как дождь кап-кап-капает по крыше, как дворники чертят конусы на лобовом стекле. Поддувало, я попросил прикрыть окно. И вот представьте, как впереди сверкают фары, как глушитель

выплевывает облако дыма и салон погружается во мрак, едва мы заезжаем под мост.

По радио играло что-то заунывно восточное, я попросил приглушить. Водитель нехотя убавил громкость, но стал напевать ту же мелодию себе под нос, при этом постукивая пальцем по сердцевине руля, а на пальце у него было каких-то карикатурных размеров кольцо – нет, – перстень, так что всякий раз, как он бил пальцем по эмблеме, раздавался бряк, звук металла о металл. Я хотел было попросить так не делать, но подумал, что если попрошу еще и об этом, то он нарочно куда-нибудь въедет.

Вот теперь представьте эту картинку – нет, – видеоряд, а поверх – мой компетентный голос. Если не интересно, не слушайте, – вы все равно ничего поймете. В общем, жиробас руководил конторой, которая производит и продает те самые датчики. Вот представьте, что контора жиробаса – дочерняя компания с головным офисом в Берлине, и вот эту компанию хочет купить компания побольше, но компания побольше не может просто так взять и купить компанию поменьше, не проверив, что там с отпрысками. Компания побольше обратилась к нам, то есть в юридическую фирму, с просьбой навестить дочернюю компанию, то есть контору жиробаса, и разузнать, как жизнь молодая, ну а подобные дочки-матери частенько заканчиваются разбитой посудой. Контору жиробаса обо всем предупредили, так что они навели марафет, как следует подготовились, но чего жиробас не знал, так это того, что по договору с компанией побольше, то есть с покупателем, у нашей фирмы полный карт-бланш.

Все зависело от моего отчета.

Вот представьте, как мы едем переулками, как автомобиль выезжает на набережную, к каналу, где становится даже сносно. Был виден шпиль. Представьте, как фонари и фары встречаются в лужах, как рябят отражения светофоров, красный и желтый сливаются в оранжевый, куда все не попортит какой-нибудь пешеход. И даже постукивание больше не раздражало, мотивчик совпадал с ритмией пейзажа. Если бы не лежащие полицейские, можно было подумать, что пересекаешь на ковре-самолете.

Все срежиссировано как надо, не прикопаться.

Я поставил четыре – нет, – три звезды. Чистый салон, но водитель все-таки пропустил поворот, что стоило нам шести – нет, – пяти минут.

Я не сразу узнал место, потому что он высадил меня на другой стороне улицы, рядом с газетным киоском. Очень кстати, подумал я, вспомнив о паспорте, но сунул нос в киоск и понял, что лавочка закрыта. Неудивительно – за время поездки совсем

стемнело, в окнах жилых домов жгли электричество, воздух офактурился. Пока ждал зеленого, рассмотрел одну из витрин. Представьте, как я вглядываюсь в свое отражение, пока не меняется точка фокуса, объектив выхватывает то, что за стеклом, – обрубки женских ног, чуть согнуты в коленях, мыски тянутся кверху, обтянуты колготками, чулки со швом, тактель, лайкра, с шортиками и без, под пояса, ажурные, в сетку. Я так уверенно говорю, потому что в студенческие годы проходил практику, на которой сопровождал работу такого же магазина.

Не сразу, но я заметил, что под навесом стояла девушка – нет, – женщина, стояла боком ко мне, нервно курила, подрагивала, хотя было не так чтобы холодно. По ее внешнему виду, по ее стойке (а она покачивалась) я сделал некоторые выводы, я даже хотел проверить эти выводы на прочность, но тут загорелся зеленый, и все домыслы остались позади.

Гудок.

Я подошел к девушке, объяснил ситуацию с картой, попросил прощения и уже готов был уплатить штраф, но ее реплика сбила меня с толку.

Сцеживая по слову сквозь зубы, она начала объяснять.

Представьте, как выясняется, что каждой комнате соответствует своя путевая руна, то есть карта, и каждая карта калибруется отдельно, и вот представьте – есть мастер-ключ, и девушка, конечно, может открыть дверь, но не может отдать мне мастер-ключ, а без него не будет работать электричество. Сошлись на том, что девушка запросит дубликат карты, а я переночую в единственном свободном номере, откуда выписались незадолго до моего приезда. Девушка складывала тетрис, между делом косилась на брюки, на пятно, которое было как раз на уровне ее глаз. И я отпустил какую-то неуместную шутку, над которой сам бы не стал смеяться. Когда она заканчивала с тетрисом, раздался гудок, она перевела взгляд на боковой монитор, я тоже – знакомый кусок улицы, от грани к грани беспризорно слонялась женщина. Кажется, та самая, которую я видел у витрины. Возможно, она следовала за мной. Женщина потянулась к звонку.

Вновь раздался гудок.

Девушка вручила мне новую карту. Отличий я толком не видел, разве что на этот раз глянец по краям отливал синевой. Почти такой же узор, орнамент, вроде как снежинка, но выглядело, будто распяли осьминога.

Я попросил прощения, поблагодарил ее.

Путь лежал через столовую – клетчатые клеенки, за одним из столов сидела старушка в клетчатом халате. Будто элемент декора. От столовой во все стороны расходились рукава, и вот представьте, что моя комната находится в дальней части гостиной, в самом тупике. Я плутал, я еле нашел путь. Вдруг пожар, все помрут. Я вставил карту в щель.

Раздался звук, с каким банкомат отсчитывает купюры.

Я зашел внутрь.

Вставил карту в другую щель.

Раздался звук, с каким захлопывают металлическую клетку.

Комната ожила.

Зажегся свет, под потолком закрутились деревянные лопасти, что-то зашуршало в ванной. Я кинул рюкзак на диван – нет, – на обитое плюшем кресло. Сиденье вдавлено, протерто. Односпальная кровать. Напротив кровати – письменный стол и табурет. Я подошел к окну. Тюлевые занавески, шторы из темно-синей ткани с цветочками в стиле ар-деко – нет, – ар-нуво. Подоконник такой, что на нем можно было разлечься.

Женщины не видно. Ни у входа, ни у витрины.

Единственное яркое пятно во всем номере – дупотопный телефон на прикроватной тумбе. Корпус из красного пластика, огромные кнопки. Я обогнул тумбу, провел рукой по кровати. Покрывало из плотной ткани. Приподнял. Одеяло подоткнуто. Две подушки, два светильника над изголовьем. Стены цвета огуречной мякоти, какая-то картинка по центру – дешевый багет, даже и не масло, а печать на холсте. Незамысловатый пейзаж, каких на вернисажах девать некуда. Еще какие-то черные полосы на полу, следы от подошв, завихрения, словно здесь вальсировали. Я снял брюки, зажег свет в ванной – сделалось ярко, как в кабинете стоматолога.

Я растер пятно мылом, замочил, отжал и повесил сушиться.

Надо бы перекусить.

Я надел запасные брюки.

Из неприятного – мой ремень не пролезал в петельки, этого я как-то не предусмотрел. Я вышел из номера, сунув руки в карманы и растопырив пальцы, поддерживая линию талии. Было направился в столовую, но вовремя вспомнил, что это средней руки гостиница, так что вышел на улицу и упал в ближайшем кафе. Название – какой-то несурзанный каламбур.

Меня встретила расфуфыренная барышня: сиреневые тени, верхняя губа толще нижней, вся подбоченилась. Прямо-таки баба на чайник. Вот пред-

И вот представьте, когда я уже отчаялся, когда собирался звонить начальнику и оправдываться, что означало расписаться в беспомощности, — вот тогда зазвонил мой телефон, заездил на столе, и оттуда принялись оправдываться.

ставьте, на прилавке стоит ваза, в вазе — цветы, что приятно, что неприятно — гвоздики, а гвоздики хуже искусственных цветов (это цитата). Я перекусил булочкой, заказал кофе. Представьте, как светлая и темная струйки смешиваются в бурю гущу. У окна сидела молоденькая девушка — ноги скрещены под столом, лакированная туфелька болтается на мыске.

Читала.

Я фыркнул.

Время на книжки есть только у детей и безработных.

Растопырив пальцы, я вернулся в номер, почистил туфли, натер, вставил колодки. Я наконец-то плюхнулся в кресло, размял шею, хрустнул пальцами. Я водрузил ноутбук на колени. Новостная лента пестрела картинками. К этой ленте, как к клейкой ленте липнут букашки, липла будничная шелуха, липли пустые слова и заумные комментарии. Я раздал пальцы вверх и сердечки. Я открыл рабочую переписку. Все нужное без проблем искалось по ключевым словам, и тут можно даже процитировать:

коллеги

является

представляется возможным

Вот и нужная ветка диалога. Корнями это дерево уходило во времена первой стажировки. Нет, новое письмо, новая тема. Мигает курсор.

Представьте, как я пишу и стираю, пишу и стираю. По итогам в пространство от «Уважаемого»

до «С уважением» уместилось полное, я бы даже сказал, исчерпывающее, пускай и слегка беллетризованное, описание последних событий. Местами я приукрасил, но нигде не исказил. Я внимательно вычитал текст, кое-что переформулировал, еще раз вычитал. На всякий случай перепроверил грамматику. Нет, я прекрасно знал, что как пишется, но я всегда забиваю слова в поисковик — так спится спокойнее.

Жиробас все еще не прислал документы. Учтывая, что они должны были подготовиться, такая задержка вызывала вопросы. Письмо жиробасу я набрал резво, ничего не перепроверяя. Выдохнул, отложил ноутбук.

Странное было состояние, вроде как слабость — выжат, выдохся, — но глаза не слипались, на боковую не тянуло. Я снял брюки, остался в рубашке и носках. Я сложил брюки на подлокотнике. Вернул ноутбук на колени, включил режим инкогнито. С гостиничным интернетом все грузилось медленно, так что к выбору я подошел ответственно. Без родинок, без татуировок, макияж на превью был немного вызывающий, но это терпимо. Судя по тому же превью, мужчина без надобности в кадр не лез, что похвально, такая функциональность мне по душе. Пока грузилось, я убрал очки в очечник, вынул бархатную тряпочку, положил ее на ребро экрана — так, чтобы закрывала камеру. Реклама. Реклама. Я промотал говорливое вступление, красными отрезками на линии воспроизведения были отмечены куски, которым я уделил внимание, ну а когда было близко, было уже почти, не выключая видео, я переместился в ванную. К раковине. Вот представьте, как я, чиркая уголком локтя по холодному кафелю, пытаюсь включить свет, со второй попытки таки цепляю выключатель, локтем же включаю воду. В раковине — комки зубной пасты. Я сполоснулся, сполоснул руки, посмотрел на зеркало — засиженное мухами, заляпанное, в разводах от тряпки, которой эти пятна пытались стереть, но сделали только хуже. Я глянул в сторону душа — обруча с зеленой занавеской, — но уже валялся с ног. Вот представьте, как я собираюсь чистить зубы, но к своему удивлению выясняю, что забыл пасту. Слава богу, на полке, рядом с пузырьками, с гелем для душа и шампунем, лежал тюбик — большая редкость для подобных гостиниц. И ничего, что паста с прополисом, с пчелиным пометом, который я ненавидел, и ничего, что тюбик помятый.

Я помочился, стяхнул, утерев ободок туалетной бумагой.

Я сдвинул покрывало к изножью кровати и забрался под одеяло, поставил телефон на зарядку, поставил будильник – нет, – будильники.

Когда я уже гасил свет, зазвонил гостиничный телефон, красная бандура на тумбе, и вот представьте, как я снимаю трубку, как в нее прерывисто дышат, а потом женский голос, запинаясь, несет какую-то бессвязицу. И по ее голосу было понятно, что она пьяна и некрасива, что у нее плохая кожа и сухие ломкие волосы. Я пару раз переспросил, но в ответ не услышал ничего, кроме все того же дыхания и невротичных всхлипов.

Гудки.

Такие вещи меня раздражают.

Засыпая, я глядел на подсвеченное лунным светом пятно. На стене, прямо над мусорным ведром. Расплывчатое, будто запекающаяся кровь. А проснувшись даже раньше, чем зазвенел будильник, я перво-наперво проверил почту. Начальник пока не ответил, документы так и не прислали.

Едва встав с кровати, я набрал номер жиробаса – никто не ответил.

Мой нос все так же сопливил, а внутри кончика, представьте, вскочил пупырышек размером со спичечную головку, который очень хочется, но не может скovyрнуть. Еще и горло покалывало, чесалось. Будто не тот музыкант весь день горланил у метро, а я сам. Могло продуть в поезде, могло продуть под кондиционером, в такси тоже могло продуть. В конце концов, я попал под дождь. Я залез в рюкзак, выдавил из пластинки таблетку – нет, – две таблетки витамина и проглотил без запивки. Взял пакетик лекарства. Я надел брюки и пошел в столовую. Девушка за стойкой сидела, уставившись в монитор, на ней – ситцевая блузка, сквозь которую просвечивали темные полукружья лифчика. Карта еще не готова? Никакой спешки, большое спасибо. Представьте, в столовой только старушка – сидит с каменным лицом, молча уплетает свою котлету. Я подошел к столу – черный чай в пакетиках, кружки с почерневшим дном, обернутые целлофаном бутерброды. Какой-то плесневый хлеб и колбаса, в которой белого было больше, чем розового. Старушка обернулась и поморщилась. Видимо, свист чайника мешал ей смотреть телевизор. Я попросил прощения, поднял кружку за ее здоровье, напился парацетамола и пошел к себе.

Я повесил табличку, и здесь можно даже процитировать:

НЕ БЕСПОКОИТЬ

На почте все еще пусто, в спяме было письмо с предложением купить лампы (в наличии с двойным

диммированием). Удалить. Все удалить. Я выключил вентилятор. Я позвонил жиробасу, жиробас не ответил. Я еще какое-то время ходил по комнате, выглянул в окно – опять дождь. Надо ехать, но как же лило, как же не хотелось. Еще и эти брюки, пятно ни черта не оттерлось, нужно было стирать. А это драгоценное время, это нервы.

И вот представьте, когда я уже отчаялся, когда собирался звонить начальнику и оправдываться, что означало расписаться в беспомощности, – вот тогда зазвонил мой телефон, заездил на столе, и оттуда принялись оправдываться. Не стану тревожить вас деталями, так что просто представьте, представьте меня, расхаживающего по комнате, разводящего руками, слушающего, прикрикивающего, а поверх – мой изумленный – нет, – раздраженный голос, мой отчитывающий тон. Вот так просто взял и упал сервер с архивом? Вы что, хотите сказать, что резервная копия сайта находится на том же сервере, что и сам сайт? Вот представьте, как я кладу трубку, как стою у подоконника, стою и смотрю на это грифельно-серое небо, в котором не находит отражения ни одна из моих эмоций.

Сошлись на том, что пришлют курьера с бумагами.

А если бы этот жиробас хоть что-то смыслил в своей работе, если бы осознавал, что стоит на кону, он бы попросил прощения за то, что все они обделались, что вся их шарашкина контора – бесполезные животные, мелкотравчатые, пресмыкающиеся, он бы сказал, что все мы – клопы, гниды, мы – жалкий планктон, мешки с говном, простите, что так вышло, простите, что обременили тебя – нет, – Вас своей никчемностью, что теперь Вы должны – нет, – Вы просто обязаны быть лучше нас, иначе начальство сделает из Вас – нет, – из нас, сделает из нас комбикорм.

Я хотел попросить его попросить курьера захватить мою карту, но рассудил, что не буду подносить патроны, дарить им еще одну офисную байку. Выходить надобность отпала, оставалось ждать. Представьте, как я сижу на кровати и бесцельно гляжу в потолок, гляжу на полупрозрачный эллипс, концентрируюсь и усилием мысли вычленяю контуры лопастей.

Чтобы не тратить время попусту, я решил постирать брюки.

Представьте закуток рядом со столовой, где гудит стиральная машина. В иллюминаторе кружило чье-то белье. Пахло сырыми тряпками, мокрыми полотенцами. Я положил брюки в корзину для белья, как бы заняв место в очереди, а сам отправился в кафе. На всякий случай я огляделся

в поисках магазина одежды, но карты подтвердили мое опасение – ближайший находился в двух станциях. Я отчитался начальнику. В зороз между «Уважаемый» и «С уважением» уместилась вся драма, я доложил о произошедшем, я, само собой, попросил прощения за задержку и осторожно – нет, – я деликатно намекнул, что процесс может затянуться, и я не лукавил, перебирать и проверять бумаги вручную – довольно-таки ресурсоемкая работа. Я заказал киш с грибами и сырное суфле, а вместо десерта попросил стакан кипяченой воды с долькой лимона. У окна сидел какой-то дерганый парень, который запивал суп клюквенным морсом.

Я решил, что чай попью в номере.

Пока я заваривал чай, старушка что-то убирала в холодильник, раскладывала на верхней полке кульки. Воровато озиралась, орудуя маркером по верх фольги. Посмотрела на меня так, будто я подглядывал пароль ее кредитки. Представьте, как мы в неловком молчании идем по коридору, как бок о бок доходим до самого тупика, ведь она живет в соседнем номере.

Я сидел с ноутбуком на коленях и листал ленту. Опять эти несовместимые с интернетом лица, дрянные анекдоты, простыни текста как повод выложить фото себя красивого, вусмерть отретушированные снимки, видео с грудными детьми. Кому нужны ваши дети. Я раздал порцию пальцев вверх и сердечек. Я допил чай и, не вставая, швырнул пакетик в мусорное ведро. Пакетик впечатался в стену и сполз к борту корзины. Не давал покоя нос, горло, еще и слабость в мышцах, какая-то сквозящая ломота; глаза резало, в глазах рябило. Назовем это режь – нет, – рязь. И вот представьте, как я уже включил режим инкогнито, потянулся за тряпочкой, как в этот самый момент стучат в дверь. Не надо уборки – сказал я, открывая, но это была не уборка, на пороге стоял круглощекий, круглобокий паренек в кепке с приплюснутым козырьком. Сумка через плечо. Один за другим он вручил мне три картонных контейнера, перевязанных и опечатанных, я же водрузил коробки на стол, распечатал, распаковал, раскрыл – они были доверху набиты бумагами. Кое-какие наспех подшиты – они лежали сверху, для виду. А те, что под ними, – в файлах на хлипких прищепках.

Пора было приниматься за работу.

Сперва я сделал несколько принципиальных перестановок.

Во-первых, передвинул стол на метр вправо, вдоль стены, ближе к окну и подальше от зеркала.

Какой извращенец захочет работать, пялясь на свое отражение? Во-вторых, я задвинул куда подальше табурет и приволок с кухни кованый стул – спинка была жестковата, так что пришлось подложить подушку. Но он хотя бы не шатался. В-третьих, я задернул шторы, оставив узкую щель, и включил светильники у кровати. Наконец, я разложил гелевые ручки, отсортировав их по толщине, установил ноутбук и обложился бумагами. Прекрасно то, что последовательно (это цитата).

Я начал перебирать документы. Представьте меня за этим занятием, а поверх – мой утомленный голос, который рассказывает, что я запросил все учредительные документы, а именно договоры с топ-клиентами, материалы проверок государственных органов, договоры с десятью топ-поставщиками, судебные дела, сертификаты и действующие лицензии. Они прислали снятые копии, многие из них были паршивого качества.

Я отчитался начальнику, что все на месте.

Я работал, то и дело бегая в столовую за чаем, который заваривал, выпивал за несколько присестов и тут же шел заваривать новый. Я постоянно проходил мимо девушки за стойкой, мимо ее профиля, и уже начинало казаться, что только профиль у нее и есть. Большую часть времени она что-то печатала, закусывая дужку очков. Представьте, что так прошел весь мой день. Я частенько прерывался на туалет, а иногда, когда затекали ноги и немели запястья, когда усиливалась та самая рязь, я снимал очки и, стоя у подоконника, массировал переносицу. Доносились отголоски музыки, у метро все так же измывались над роком. Представьте, как я смотрю – вот парочка целуется, вот какой-нибудь скейтбордист, растерявшись у перехода, отпускает свою доску на проезжую часть. На таких вот сценах отдыхал взгляд. Я перебирал документы, изучал данные, водил ручкой по строкам и абзацам, сверял цифры и вбивал реквизиты в таблицу, но представьте, что все это – деятельность в большей степени подготовительная.

Ближе к вечеру в дверь опять постучали.

Я перепугался, что привезли еще бумаги, но, к моему удивлению, это была девушка со стойки. Представьте, у нее есть ноги, на ней босоножки с открытым мыском. Будем считать, кастинг прошла. Спасибо, но меня завалили работой, – я кивнул на кипы бумаг, – переезжать, значит тратить время и силы, так что я, если вы не против, я задержусь в этом номере. Я поблагодарил ее, взял дубликат и пообещал вернуть оригинал. Уборка не нужна, спасибо. Я отметил их сервис, это был обдуманый

комплимент. Как не даете пасту? Видимо, осталась от предыдущего гостя.

Хотя я почти не вылезал из-за стола, не разгибал спину, я управлялся хорошо если с третью документов, и все бы ничего, но мне прислали договоры без спецификаций. Я позвонил жиробасу. Вот представьте, как я хожу вдоль черных линий на полу, а поверх – мой возмущенный голос. Не понял, коммерческая тайна? Подождите, то есть мы должны верить вам на слово? Повесив трубку, я все еще сжимал телефон в кулаке, я смотрел на защитную пленку, которая вся пузырилась, которая пришла в негодность из-за дождя. Я скovyрнул краешек и оторвал ее к чертовой матери.

Вздумали темнить.

Ничего, я пролью свет на это дельце.

Сделал соответствующие пометки, вернулся к работе.

Я читал и слышал, как они потешаются, гогочут в своих норках, как стучат их зубы, скрежешут, как они клокочут, посылая перцем свои рассказы. Но это пока я не вскрыл гнойник. Так я и написал начальнику, я доложил, что дело перспективное, но нужно время, да, время покажет, насколько перспективное, – сколько нужно ходов, чтобы выйти в дамки.

Вот представьте, дело к ночи. Голова гудела. Я встал из-за стола, выпил еще витаминов. Нужно было развести лекарство – шмыгая носом, я пошел на кухню. Хотел заодно подкрепиться, но выходить было неохота.

Я вспомнил, что в холодильнике были гостиничные йогурты, там-то мы и столкнулись со старушкой. Я дернул за дверцу и с головой залез внутрь – ее это насторожило, еще как насторожило. Да не собирался я трогать твои вонючие котлеты, успокойся. Я попросил прощения, а она вдруг подала голос, начала ворчать, сотрясала воздух своим старческим скрюченным пальцем с шишками, которые бугрились до самой пястной кости, и вот представьте, как она тявкает, размахивает своей бузиной палочкой (это отсылка), а я молча киваю, я смотрю, как гримасничает ее лицо, трясется вислая кожа – нет, – кожура, как трясется ее подбородок, шея в складках, которые слиплись в одно, а между ними – ложбина, темный провал по центру, какие-то бычьи яйца, от одного взгляда на которые хочется помереть молодым. И вот представьте, как я, выдержав эту пытку, видимо, заслужил ее уважение, или у нее случился провал в памяти, ее заколотило, но представьте, как она смотрит на меня из-под набрякших век, буравит взглядом и говорит

уже дружелюбно, расспрашивает. Да, он вроде как съехал прошлым утром, теперь я в его номере. Нет, я не этот, не переживайте, я не буду воровать ваши котлеты. И вот представьте, как она прикладывает ребро ладони к своим салным губам, как в ее взгляде появляется что-то игривое, почти что кокетливое. Прямо визжала, прямо как потерпевшая? А он кричал? Не переживайте, я не буду водить деvушек.

Мышиный халат скрылся за аркой, я плюнул на йогурты и съел один из бутербродов в столовой. Несмотря на то что ныли виски, что нос почти не дышал, я остался доволен собой. Я упал на кресло, открыл ноутбук. Я был на подъеме во всех смыслах слова – снова тряпочка, снова красная линия, но как-то не шло, а пошло, когда я закрыл глаза, мелькали слайды, а на них было ажурное белье, полукружья лифчика, босоножки и ногти, отблеск лунного камня, чей-то резец закусил нижнюю губу – вы такое в рекламе видели, – кончик языка облизнул губу, красная помада, еще краснее – нет, – вообще без помады, на слайде – обветренные губы, тонкая полоска кожи, тонкая пленка отходит, отслаивается, усилием мысли я ее оторвал, отодрал, так что на следующем слайде остался только кровавый пунктир, на следующем слайде – яйца подбородка, ну и что теперь? Напишите об этом в соцсетях, подайте на меня в суд, – а потом – женский голос в телефоне, рука перевернула песочные часы, сами собой сжались пальцы ног, тело распружинилось, вот и все. Вот и раковина.

Вот представьте, как я стою на холодном кафеле, как я жду, пока пойдет горячая вода. Представьте, как клубится пар, как воздух обжигает ноздри, каково втягивать воздух заложенным носом. Представьте, как под ногами пенится вода, как я тужусь, как к белому примешивается желтое. Я увеличил напор, поменял режим, из отверстия хлестали струи, смывали грязь, слизывали покровы. Ничего, все это кожа, без которой можно обойтись. Представьте, я обтираюсь жестким, как наждачка, полотенцем и выхожу из ванной, успеваю, пока не рассосался пар, пока не прояснилось мое отражение в зеркале. Представьте меня на кровати. Я лежу под одеялом. Вареное тело на вареном хлопке. Я смотрю на стол, на капище бумаг.

Еще много работы.

Я иссох, иссяк, было душно, кое-как спасал вентилятор, кружившие лопасти. Начальник так ничего и не ответил. Я лег раньше обычного. Какое-то время ворочался, разглядывал экран телефона, бездумно перетаскивал дрожащие иконки, меняя

Я, конечно, не буду уходить в казуистику, вы все равно ничего не поймете, но имейте в виду, что я нашел кое-какие несостыковки, что было во всей этой схеме что-то непромытое, речь шла о больших деньгах, хотя о какой именно сумме, я наверняка не знал, ведь спецификации жиробас предусмотрительно придержал – прикрылся коммерческой тайной, как фиговым листом.

приложения местами. Потом я смотрел на решетку вытяжки, на зияющую черноту за ней – казалось, надави, она полезет наружу. Вот представьте, когда я было начал проваливаться в сон, зазвонил гостиничный телефон. Перевернувшись на бок, я снял трубку.

Снова пьяная, снова хныкала, просила прощения за вчерашнее, и по ее голосу было понятно, что у нее кривые зубы и пороссячи ресницы, накладные, что сама она давно опоросилась. Вот представьте, как она переходит на ты, язык заплетается, я же ничего не отвечаю, а потом, вдруг, как по щелчку, начинаются оскорбления, похабная ругань. Ей не нравилось, что я молчу, что я вроде как ее игнорирую. А что я должен был сказать? Ну я и бросил трубку, оборвав эту ненормальную на полуслове.

И я опять начал засыпать, я уже видел сон, странный сон, в котором я вручал подарок, ждал реакции, худые руки снимали крышку, но коробка оказывалась пустой. Я проснулся за мгновение до того, как мой взгляд соприкоснулся с глазами именинника. Нет, было не утро, просто в номер залетел комар – он кружил, пищал над ухом, я от него отмахивался, как от дурного кошмара, я включал и вы-

ключал светильники, даже большой свет, но он возвращался. В итоге эти гляделки я проиграл – уснул тогда, когда насекомое окончательно меня утомило и глаза закрылись сами собой.

Я проспал до полудня, будильники не помогли.

Вот представьте, как я с трудом отрываю голову от подушки, виски наливаются свинцом, по затылку словно кувалдой бьют. Во рту пересохло, горло – будто всю ночь глотал ножи. Мой бедный нос заложило намертво, когда я стискивал ноздри, они не расходились обратно, а прилипали к перегородке, так что их приходилось разнимать вручную. Я попробовал высморкаться – так тужился, что в какой-то момент заложило левое ухо.

За окном опять лило, хотя и не так сильно.

Музыка.

Я почистил зубы, доковылял до кухни, поздоровался со старушкой, которая подписывала очередную котлету. На этот раз она доброжелательно улыбнулась. Идти в кафе не было никакого желания, так что я развел пакетик, выпил лекарство и опустился до гостиничного йогурта. На этикетке красовались крупные дольки – фрукты и ягоды, – но в реальности из белой массы выглядывали какие-то козявки. И на вкус то же самое. Девушка за стойкой читала журнал, она распустила волосы, задумчиво накручивала локон на указательный палец. Завивать или не завивать, вот в чем вопрос (это парафраз). Нет, спасибо за беспокойство. Все хорошо.

К работе.

Концентрироваться было сложно, в глазах стояла рязь. Представьте, как после получаса цифры и буквы дрожат, будто иконки на экране, как я беспрерывно бегая в ванную сморкаться. В таком режиме я работал целый день – горбатился, сморкался, чаевничал и стоял у окна, смотрел на сценки, давал глазам отдохнуть и возвращался к бумагам. Я почти закончил с обработкой данных, когда раздался стук. Для кого табличка висит...

На пороге стояла старушка – вся набросана сухой кистью, все тот же клетчатый халат, только к мышиному, к малиновой клетке, примешался коричневый. Представьте, что в руках она держит мои брюки. Я вспомнил корзину с бельем, я выхватил, вырвал брюки – от пятна не осталось и следа. Только вот вельвет отливал малиновым. И вот представьте, как эта старушка разевает свой поганый рот, как смыкаются ее сальные губы, язык извивается – бьется, как рыба на песке, – а у меня закипает кровь, всходит пеной, и я, попросив прощения, захлопываю дверь, пока не вышло за края. Вот пред-

ставьте, как я открываю дверцу шкафа, которым до этого не пользовался, и гляжу на полку, на новехонькие тапочки в упаковке, на вешалки с антивандальными кольцами. Представьте, как я вешаю брюки на одну из них и замечаю, что через дальнюю балку перекинут ремень.

Я без раздумий стянул его с балки, поднес на свет – грубая кожа коньячного цвета, строчка по краям, бляха поцарапана. В нескольких местах кожа потрескалась, будто его силой сворачивали, а еще вручную проделаны отверстия, продырявлены чем-то тупым – на какую-то совсем уж узкую талию. Недолго думая, я взял ремень, собирался отдать его девушке за стойкой, но уже у стойки, встретившись с ней взглядом, я застыл. Вот представьте, как девушка говорит по телефону, как она поднимает глаза и видит меня, а я, представьте, стою, как в каком-то спагетти-вестерне – ноги на ширине плеч, одна рука в кармане – поддерживает брюки, во второй – свернутый ремень. Выглядело так, будто я пришел ее пороть.

Девушка прищурилась, вопросительно подняла бровь.

Ничего не сказав, я сделал вид, будто что-то забыл в номере, и дал сто восемьдесят градусов, а потом, представьте, потом я сделал вот что – плюнул на вельветовые брюки и продел ремень в те, что были на мне. Как влитой, точно по петелькам. Жаль, что выходить я никуда не собирался, но все равно это совпадение как-то взбудило меня, подпало фитиль, так что я вернулся за стол, отодвинул бумаги на самый край, вернулся к началу таблицы и стал один за другим вынимать из стопки договоры, которые пометил красными флажками. Вот я добрался до агентских договоров. Поначалу – ничего примечательного, только поехавшее выравнивание и посредственный юридический язык. И вот представьте, как я открываю таблицу, навожу курсор на очередной флажок, выживаю из стопки очередной договор, веду ручкой по строчкам, по абзацам, и вот представьте, как внутри у меня все сжимается, глаза лезут на лоб, как по спине расходится холодок. Мурашки по всему телу. Представьте, как я тут же снимаю телефон с зарядки и звоню жиробасу, как я, запрокинув голову, считаю гудки, как я считаю и улыбаюсь. Представьте эту картинку, а поверх – мой довольный голос, как я спрашиваю его о договоре, а он все что-то мямлит и мямлит, мямлит. А, так вы консультировались с адвокатом?

Я кладу трубку. И вот представьте, как где-то у солнечного сплетения все вибрирует, как комок –

нет, – ком, увеличиваясь в объемах, поднимается к моему раскрасневшемуся, к моему разрыхленному горлу, представляете, как сквозь хрипоту этот сгусток смеха вырывается наружу.

Какая же им жопа, боже, какая же задница.

Представьте, что шесть – нет, – пять лет назад к жиробасу и его конторе пришла фирма, пришла и предложила заключить сделку. Я, конечно, не буду уходить в казуистику, вы все равно ничего не поймете, но имейте в виду, что я нашел кое-какие несостыковки, что было во всей этой схеме что-то непромытое, речь шла о больших деньгах, хотя о какой именно сумме, я наверняка не знал, ведь спецификации жиробас предусмотрительно придержал – прикрылся коммерческой тайной, как фиговым листом. Но сумма не важна, а важно было то, что я взял их за бубенцы, крепенько так стиснул, и, поверьте, яичница была вопросом времени.

Тем вечером я больше не притрагивался к бумагам, не садился за стол и не тревожил таблицу, я даже начальнику отчитался не сразу, я смаковал, я предвкушал, – сплошной восторг, протянутое в ночь предчувствие праздника. Я упал на кресло, открыл ноутбук и включил режим инкогнито, как шампанское открыл, даже к раковине не поспел. Я сходил в душ, провел там полчаса – нет, – минут сорок. Вышел я из душа мокрым, мокрым и больным. Представьте мое разгоряченное тело, которое без того потеет, которое все зудит и шелушится, сочится всяческой слизью.

Но той ночью было терпимо.

Я протер зеркало, поморгал, провел юстировку, так сказать, придал четкость своему отражению. Вот представьте клубы пара и белый свет, когда каждая капля воды – увеличительное стекло, когда каждая неровность, каждый изъян – как под лупой. И вот представьте, как мое бледное, обваленное в муке, тело, как мое тело волнами стекает вниз. Кожа – та же рябь на воде, а по бокам, где жирок, где складки, все – шматок на шматке воска, и весь я похож на огарок свечи после воскресной службы.

Я почистил зубы и забрался под одеяло – прямо так, с мокрой головой. Конечно же, я снял трубку, и по ее голосу было понятно, что она неопрятна, сутулится, что от нее пахло ванилью. И вот представьте, как она просит встречи, а я ничего не отвечаю, я ее в каком-то смысле провоцирую, и чем дольше я молчу, тем забавнее она повизгивает, и как только начинаются оскорбления, я наклоняюсь и выдергиваю провод, выдергиваю его к чертовой матери, с размаха кладу телефон на базу и за-

сыпаю. Представьте, как я засыпаю с улыбкой на лице, а потом представьте переход, но не плавный, не затемнение, а грубую склейку. Представьте эту склейку, сопровождаемую звуком, будто проигрыватель зажевал пленку.

В лицо мне плеснули дневным светом.

Ржавые разводы на подушке, пятна слюны, охристые катышки – конечно же, я спал с открытым ртом, во рту – привкус жести, вязало лимоном. В нос ударил запах своей же потной головы, влажной кожи, превшей под волосами. Все тело чесалось, зудело. Но знаете что? Все было ничего, думал я, потому что как только я почистил зубы, я проверил почту, где меня ждало письмо от начальника. Сказал, что позвонит после обеда, так что до самого обеда я ничего не ел, даже к бумагам не притрагивался, только по кругу перепроверял свои же записи. Не скрою, я волновался, готовился к разговору, все-таки момент был ответственный. Я сходил в душ, надел брюки, потуже утянул новый ремень и влез в туфли, предварительно натерев их до блеска. Вот представьте, как звонит мой телефон, как я выпрямляюсь и смотрю на бумаги перед собой, смотрю на экран с таблицами, представьте эту картинку, а поверх – мой горделивый, мой готовый к похвале голос – нет, – мой недоумевающий, мой растерянный и ничего не понимающий голос. Прошу прощения, о каких сроках идет речь? Я все понимаю, я прошу прощения, что все затянулось, но возникли непредвиденные обстоятельства, пожалуйста, прошу, дай-те мне еще хотя бы пару –

(Дней)

Гудки.

Представьте себе, как лучшего сотрудника вызывают обратно, как ему говорят – нет, – приказывают бросить все на полпути, наплевать на безусловный потенциал и вернуться в офис. Вот представьте, как этот сотрудник рухнул на пол, припал спиной к изножью кровати, как дрогнула влага в его глазах, как под вытянутыми ногами змеятся черные полосы. Все распарывалось, расходилось по швам и сшивалось в нечто принципиально иное. Я был надорван и надломлен, началась акупунктура окружением, роились мысли, перекикивали друг друга голоса, плюс на минус, все поперек всего, сердца и провода (это цитата), сколот угол, *угол завален, ВСЕ ЗАВАЛЕНО*. Болезнь ударила с новой силой – такой себе отложенный эффект, будто отошла анестезия. Заболела голова, стало подташнивать. Я расчесывал себя до крови. Я все делал правильно, пошел с козырей, я все растолковал – пункт за пунктом, тезис за тезисом, с расстановкой, предельно доходчиво,

но не чересчур детально, черт возьми, я принес нашей фирме такой кейс, верняк, настоящую бомбу, а начальник даже не дослушал, он только снисходительно покивал головой, как кивают на мазню первоклассника. Представьте, что в вашей любимой песне о неразделенной любви на самом деле поется о давлении авторитарной власти.

Как быть?

Нет, пока оставалось время, ресурсы, пока сохранился статус-кво, пока жиробас ничего не разнюхал, нужно было копать – нет, – нужно было докопаться до сути. Я даже сел за стол, я вновь склонился над бумагами, вернулся к началу таблицы, но вот представьте, что я не способен ни на чем сфокусироваться – за окном вспышки и отзвуки, молитвы и треугольники (это цитата), метут улицу, поворот ступни о гравий, будто шел, шел и передумал, свист тормозного пути, отражения мелкой моторики в экране монитора, буквы и цифры, цифры и буквы, – дрожащие, как иконки на экране телефона. Чем ожесточеннее я сопротивлялся, тем глубже меня засасывало, тем быстрее я терял контроль над телом. Все чесалось, особенно чесалось на лбу – там, где начинались волосы, там и ездили мои пальцы, мои ногти – туда-сюда, туда-сюда, – и вот представьте, как на клавиатуру падают хлопья, а я не прекращаю, пока не вижу на подушечках капли красного, пока не чувствую кольчатое жжение, расходящееся вдоль линии волос. Представьте, как я откидываюсь на спинку и запрокидываю голову, как стены пульсируют, сокращаются в такт ударам сердца. Так я сидел, пялясь в потолок – как торчок, только-только ослабивший жгут.

Вдох-выдох.

Я улылся.

Скривил рот, посмотрел на пожелтевшие от чая зубы.

Вот представьте, как я выхожу из номера, иду в столовую, которая пустует, как я подхожу к столу и выясняю, что, кроме чайных пакетиков, ничего не осталось, не было даже этих мерзостных бутербродов. Я выхожу к стойке. На девушке – расшитая бусинами, подпоясанная черным – нет, – чешуйчатым ремешком кофта. Представьте, как я открываю холодильник, как меня встречают пустые полки. Не осталась даже йогуртов. Только в дальнем углу, за пакетом молока, переливалась фольга. Я какое-то время постоял и захлопнул – нет, – я распахнул дверцу шире, еще шире, запустил руку и подцепил краешек фольги. И вот представьте, как я разворачиваю фольгу, слой за слоем, как мне открывается что-то пригорелое.

Я принялся, огляделся.

Старушки было не видеть, девушка была занята своим.

Вот представьте, как я сижу у себя в номере, сижу на кровати и вгрызаюсь в котлету – нет, – в картофельную зразу. Нос не дышал, поэтому жевал я с открытым ртом, порой всасывая воздух уголками, и вот представьте, как я уминаю кусок за куском, почти не пережевывая, и пусть горелое, но как же было вкусно, и я бы даже хотел, чтобы старушка меня застучала, чтобы она беспомощна пялилась на то, как я откусываю, проглатываю, как начинка валится на покрывало, на пол, горками поверх черных линий – да хоть заворот кишок, пусть я кровью просусь. Я доел, дожевал, смял фольгу и вернулся за стол – нет, – сначала я расстегнул рюкзак и достал ластик для обуви, опустился на четвереньки и, ползая на карачках, принялся стирать пресловутые линии, рывок за рывком, выпад за выпадом, стирать завихрения, забирая черноту белым наконечником.

Наконец, от следов не осталось и следа.

Я убрал ластик, сполоснул руки.

Вдох-выдох.

Я вновь открыл таблицу, зарылся в текст договора, я читал и перечитывал, читал и перечитывал, хотя уже знал все наизусть.

Вопрос – что с этого нефтяникам?

Нет, все же придется пояснить.

Будьте внимательны.

По условиям сделки фирма приводит жиробасу клиента – нефтяную компанию, – которая закупает хваленые датчики, причем закупает...

Нет, так вы ничего не поймете, нужно упростить.

Вот расклад: дело было шесть – нет, – пять лет назад. Есть некая фирма, назовем ее – АГЕНТ. АГЕНТ приводит ЖИРОБАСУ клиента...

Нет, не уверен, что вы справитесь.

ВОТ РАСКЛАД: есть фирма, назовем ее – АГЕНТ. АГЕНТ приводит ЖИРОБАСУ клиента, то есть НЕФТЯНИКОВ, которые покупают их товар – то есть те самые датчики – по цене вдвое выше рыночной. ЖИРОБАС и АГЕНТ заключают агентский договор, то есть подписывают соглашение, согласно которому АГЕНТ выступает посредником между ЖИРОБАСОМ и НЕФТЯНИКАМИ. По условиям договора ЖИРОБАС и АГЕНТ платят выручку с продажи датчиков пополам, при этом АГЕНТ получает жирный кусок пирога считай ни за что, просто за посредничество, а НЕФТЯНИКИ терпят колоссальный ущерб.

И если вы еще не потерялись, самое время пораскинуть мозгами и задаться вопросом – что с этого НЕФТЯНИКАМ???

ВОТ МОИ ХОДЫ: от пункта к пункту, кругами по комнате, возьмите циркуль и начертите эти круги, а потом раздвиньте ножки и начертите круг побольше – такой, чтобы вершины упирались аккумуля в стенки номера, – внутрь этого круга впишите меня. Вот представьте, как я подхожу к этой линии, к подоконнику, гляжу за окружность и отчетливо вижу, где заканчиваюсь я и начинаются другие. Представьте, как женщина в темно-зеленом пальто рывками толкает коляску, затем тормозит, откатывает назад, а потом снова вперед – будто это газонкосилка; вот кто-то ступеньками нырнул в бар, другой скрылся за троллейбусной остановкой, а вот, представьте, у парня на поводке крохотная – нет, – большая лохматая собака, вот она задирает ногу, из-под ноги хлещет, вот я смотрю на них и создается ощущение, что это не он ее, а она его выгуливает. И вот представьте, как я наблюдаю за этим жизнеподобием, но только все не как обычно, глаза ни разу не расслабляются, взгляд не отдыхает, – наоборот, сильнее напрягается, стучит в висках, во всем этих сценках сквозит недосказанность, которая меня убивает, мне хочется открыть окно и кричать.

Вдох-выдох.

Юрист не должен помнить текст закона, юрист должен помнить, где опубликован текст закона. Юрист должен знать, где искать.

Вопрос – зачем это все НЕФТЯНИКАМ???

Где искать ответ?

Вот представьте, как я сижу за столом, как мой взгляд мечется между экраном ноутбука и записной книжкой, а сам я мечусь между столом, подоконником и ванной – нет, – унитазом, потому что живот зажил своей жизнью, я тужусь, но безрезультатно – впустую потраченное время. Представьте, как я читаю и сверяю, сверяю и чешусь, как чешется в носу, так что я запускаю палец в ноздрю, я чешу и сковыриваю пупырышек.

По столу ползла тень, солнечный блик скользил по экрану ноутбука. Я уже дошел до самого начала, до интервью с ЖИРОБАСОМ. Вот представьте, как включается обратная перемотка, я проглядываю вопросы, записанные моим понятным почерком, и тут можно даже процитировать:

Как вы ищете клиентов?

Кто именно ищет?

Кто звонит, пишет, лично встречается?

Кто предлагает договор, а кто обсуждает условия?

Ваш товар делится на какие-то категории?

И вот представьте, как ЖИРОБАС отвечает на последний вопрос, говорит и говорит, и вот в ка-

кой-то момент он говорит, и здесь можно даже процитировать так, как у меня записано, ЖИРОБАС прозвонит:

Вы же сами понимаете, будет морока с патентами. А нам это зачем *хрюкает* **сжоблит нос** Мы патентуем только перспективное.

Вот представьте, как я открываю поисковик, как я печатаю, а печатаю я быстро, десятипальцевым методом, разве что один палец всегда занят, он то и дело погружается в мокрое пятно на лбу – туда, где линия волос, где корни слиплись от крови. Вот представьте, как я нахожу в открытом реестре контору ЖИРОБАСА, как начинаю перебирать их патентные заявки, чтобы понять, за что НЕФТЯНИКИ решили переплатить, на экране – слоеный пирог из вкладок, перекрестья векторов, смотрю на один чертеж за другим, формулы изобретения, полезные модели, я смотрю на извещения. Выяснилось, что многие из патентов прекратили действие и не могут быть восстановлены, но какие-то еще действовали.

Представьте, снова льет.

Я сидел в полумраке. Лицо обдавало бледное свечение, в темноте пульсировал экран ноутбука. Я включил ночной режим, экран потеплел. И вот представьте, как я открываю очередную заявку, как я пролистываю, уже готовлюсь закрывать, но потом вижу чертеж. И он что-то мне напоминает, и вот вы вместе со мной вспоминаете офис ЖИРОБАСА, переговорную, и мы совместным усилием мысли воспроизводим слайды, воспроизводим один из них, на котором изображена музыкальная шкатулка.

Автор и патентообладатель – один и тот же человек. Я смотрю на адрес для переписки – контора ЖИРОБАСА. Я смотрю на дату подачи заявки – шесть – нет, – пять лет назад, смотрю на последнее изменение статуса, сверяюсь с текстом договора. Я немного оживляюсь. Представьте, как я на секунду сворачиваю вкладки, включаю режим инкогнито, как я вбиваю в поисковик название патента – нет результатов, – тогда я по памяти вбиваю название конторы ЖИРОБАСА – не те результаты. ВОТ МОЙ ХОД: я вбиваю в поисковик имя автора патента, я пролистываю ссылки на социальные сети и натякаюсь на иностранную статью.

Я кликаю.

Выдает ошибку.

Я обновляю страницу.

Выдает ошибку.

Но и я не пальцем деланный. ВОТ МОЙ ХОД: я включил прокси, выбрал сервер в Мюнхене – нет, – в Берлине, и вот представьте, что я сам будто из Берлина, я кликаю еще раз, попадаю на примитивный

сайт, состряпанный под конкретное мероприятие. Представьте, как я смотрю на сдвоенные гласные, моя ладонь лежит у меня на бедре, на подпоясанных брюках, как я смотрю на эти лигатуры, на попорченную точками латиницу и ни черта не понимаю. ВОТ МОЙ ХОД: я установил плагин – нет, – расширение, которое автоматически перевело весь немецкий текст на русский язык. Представьте, как я вчитываюсь в репортаж, в обзор какой-то конференции, на которой годами ранее обсасывали технологии будущего. И вот представьте, как я листаю вниз, продираюсь сквозь кривой перевод, сквозь дебри канцелярита, представьте, как пальцы ползут по ремню, мне надоедает читать, так что вторая рука открывает поиск по словам. Пятью пальцами я набрал нужное имя – нет, – сперва я транслитерировал нужное имя, а уже потом набрал его, и вот, представьте, как по нажатию кнопки меня перебрасывает в подвал страницы, к панорамной фотографии.

Я всматривался в фото, на фото – мужичок с залысиной, под фото – мой запрос, желтым было выделено имя мужичка, а еще на фото – ЖИРОБАС, будто бы в той же затертой рубашке, только из нагрудного кармана выглядывал вишневым треугольником платка, и вот мужичок скрестил руки на груди, как обиженная девочка, а ЖИРОБАС вскинул свои грабли вверх, как опереточный Моисей, но не это важно, – важно то, что прямо за их спинами – экран, а на экране – музыкальная шкатулка.

Вот представьте, как я шелкаю на фото, растягиваю его, как рядом появляется корявая подпись, и здесь можно даже процитировать:

Были представил датчики для виброконтроля и неразрушающего контроля валов в подвижных частях элементов силовых машин.

Вот представьте, как я копирую эту белиберду, вставляю в окно поиска, как по нажатию меня перебрасывает к разделу спонсоров, и вот представьте, как моя рука, мои пальцы сжимают складку на брюках, потому что я натякаюсь на неказистый логотип НЕФТЯНИКОВ.

Я кликаю на логотип и попадаю на страницу с комментариями.

Представьте, как я вчитываюсь в комментарий топ-менеджера НЕФТЯНИКОВ. Я прочитал этот понос, я добрался до биографической справки о самом менеджере, и вот представьте себе фотографию – мужчина за пятьдесят, пятна по крыльям носа, на скулах, прищур и шевелюра темных волос, но борода седая. Кажется, будто волосы выкрашены.

А рядом с фотографией – имя.

И вот теперь внимательно следите за руками, иначе упустите.

Я тут же открываю – нет, – я кладу перед собой пресловутый агентский договор, мне и открывать его не нужно, потому что на первой странице, в первом же абзаце я читаю, и тут можно даже процитировать:

именуемый в дальнейшем «Агент» в лице генерального директора

А дальше – та же фамилия, но другие инициалы.

Вот представьте, как я открываю поисковик, как разминаю складку на брюках, как я ишу нужную информацию, нажимая на себя, нажимая на нужные ссылки, по одной из них – интервью нашего АГЕНТА в деловом издании, и вот представьте этого директора – смазливый, с чубом темных волос, с тем же прищуром, я запускаю поиск по словам, я разгоняюсь – какова вероятность, что они просто однофамильцы? Я ишу пересечения, признаки родства, имена и отчества никак не стыкуются, но мы это опустим, потому что есть темные волосы, есть хитрый прищур, потому что я нахожу интервью НЕФТЯНИКА, и здесь можно даже процитировать:

мы многого добились, я уйду с высоко поднятой головой.

говорит топ-менеджер НЕФТЯНИКОВ, а я листаю, я читаю интервью, его всего распирает от гордости, меня распирает, когда я вижу дату, распирает изнутри, когда выясняется, что топ-менеджер сложил полномочия шесть – нет, – пять лет назад, я откидываюсь назад, выгибаюсь и вот я отпускаю – нет, – я спускаю все на тормозах. Представьте, как я выпрямляюсь, как я смотрю на их фотографии, на их самодовольные лица, вот они у меня – как на ладони, – но я не тороплюсь сжимать кулак.

Я хотел растянуть удовольствие.

Представьте, как я подхожу к подоконнику, как я стою у окна и жду, пока разровняется. Кругом черноты и длинноты, впадины спутниковых тарелок, стелется крахмальная дымка, на улице – никого, только призраки людей – нет, – людских прикосновений. Ливень такой, что не было видно зазоров между каплями – тонкие вертикальные линии, параллельные линии, как подсвеченные серебром нити. У витрины ошивалась примодненная женщина – не знаю, та же или нет, – но она тоже курила, она подняла глаза, я тут же зашторился. Я помассировал переносицу, собрался с мыслями и вернулся к своим нитям, к их переплетеньям, к паутине, в сетях которой другие бы увязли, но не я, нет, я нашупал сердцевину и теперь мое дело – расправиться с пауком, обрубить мохнатые лапы, с мясом

отодрать жвала и навалиться, вдвинуть их в его же мохнатое брюхо.

Я шел за стол, боясь расплескать.

Я открыл блокнот – нет, – тетрадь смерти (это отсылка).

Вот представьте, как я поглядываю на телефон, как чешется позвонить – нет, – написать ЖИРОБАСУ, – и спросить: ваше сиятельство, как ваши обстоятельства? (это цитата), а потом прошипеть: бегите, раскрылась тайна ваших подтяжек (это цитата). Но вот я вспомнил инцидент с кофе, перепуганное лицо ЖИРОБАСА, я рассудил, что он, скорее всего, не при делах – ложь смотрит на тебя стеклянными глазами, с холодной ясностью, а не с поросычьим испугом. Лжецов я могу стерпеть, но я терпеть не могу глупцов – играть против шулера куда интереснее, чем против тупицы, а этот тупица в упор не видел, как эти шулера который год отмывали деньги через его контору. Так я и записал. Вот представьте, как НЕФТЯНИКИ переплавчивают, закупая у ЖИРОБАСА датчики, половина выручки уходит АГЕНТУ – то есть посреднику, – получается, что вторая половина возвращается в семью чистенькой. Никаких вопросов из налоговой, ведь датчики закупаются у независимой компании – у ЖИРОБАСА, – которая никак не аффилирована – прошу прощения, – не связана с НЕФТЯНИКАМИ, с НЕФТЯНИКАМИ связан только генеральный директор АГЕНТА – связан с их топ-менеджером, – но шесть – нет, – пять лет назад топ-менеджер НЕФТЯНИКОВ по чудесному стечению обстоятельств стал бывшим топ-менеджером НЕФТЯНИКОВ, то есть вышел из игры аккуратно в тот момент, когда сделка с ЖИРОБАСОМ была на мази, но договор еще не подписали. И вот представьте, бумажный след почти что отсутствует, представьте, как их сговор ускользает от объектива. Все срежиссировано как надо, не прикопаться.

Я закончил писать, закончилась ручка.

Вот представьте, как я собираюсь позвонить – нет, – написать – нет, – как я решаю пока ничего не говорить начальнику. Все это семейное предприятие – самая настоящая прачечная. Нужно копать, нужно покопаться в грязном белье и разузнать, чьи еще панталоны там стирают, нужно выяснить, насколько глубока кроличья нора (это цитата). Нужно сделать все по уму, нужно скомпилировать факты и сделать начальнику предложение, от которого он не сможет отказаться (это цитата). Вот представьте, как я смотрю на экран, на хитрый прищур этих состоятельных кротов.

А что если нам посчитать? (это цитата)

Пятью пять – двадцать пять лет каждому (это парафраз).

А не посчитать ли нам? (это другой вариант перевода)

Пятью восемь – сорок тысяч – нет, – миллионов рублей за мое молчание (это парафраз). За то, что я не передам свои записи и копии договоров в какое-нибудь популярное издание. Будем честны, вся эта история достаточно бесстыдна, чтобы быть напечатанной (это парафраз). Бессмертен тот, кто стал контентом. Представьте, каковы перспективы.

Я захлопнул крышку ноутбука, как молотком ударил, закрыл блокнот и пошел в ванную. Представьте, как я стою у зеркала, облокотившись на борт раковины, представьте это противоречие между внутренним ликованием и внешней эрозией – шампанское с желчью (это цитата). Представьте, что меня знобит, что нос заложен, представьте, как я изо всех сил тужусь, пытаюсь помочиться, а когда наконец мочусь, жжет конец. Вот я запустил пальцы в волосы, нащупал рану – серозная корка, а под ней – алая мякоть. Я надавил на гнойные чешуйки, поднялась жижица. Вновь скрутило живот – это были уже не спазмы, не тягучая, а тугоплавкая боль. И вот представьте, как мои ляжки елозят по холодному ободку, как я тужусь, как из меня выходит зраза – нет, – зараза, как я смываю за собой, сетую на отсутствие биде и подтираюсь остатками туалетной бумаги.

Живот продолжало крутить, так что я выкинул втулку и, порывшись, убедившись, что запаски не завалялось, решил смотаться за рулоном.

Вот представьте, как я плутаю коридорами, как я пересекаю столовую и выхожу к стойке, за которой не сидит девушка. На экране бокового монитора пустовала улица, в ночное время из-за зерна совсем ничего не было видно. Я обогнул стойку и подошел к двери в каморку. Чуть посомневавшись, я развернулся и отправился обратно. Вот представьте, как я возвращаюсь в номер, решив, что переживу ночь без бумаги, как я миную дверь в номер старушки, как я запускаю пальцы в карман и все понимаю.

Ключ остался в номере.

И вот представьте, как внутри созревает стыд, как волнение карабкается вверх, как я весь чешусь, и более того, в этот момент по ту сторону двери звонит гостиничный – нет, – звонит мой телефон. Конечно, не хотелось унижаться, но унижаться пришлось. Я вернулся к стойке, зашел в каморку, где пахло, как в клетке хомячка, растолкал девушку, спавшую на чердачной кровати, та едва не вскрикнула, потом утерла сонные глаза и в полумраке

отыскала мастер-ключ. Вот представьте, как мы идем к моему номеру, как я сердечно прошу прощения, но только сильнее ее раздражаю.

Прокряхтел замок.

Я вновь попросил прощения, девушка двинулась обратно, но в последний момент я все-таки решил спросить, – я спросил, – в ответ она ткнула рукой сквозь стену, имея в виду закуток со стиральной машиной.

Мог бы и сам догадаться.

Я приоткрыл дверь, вынул свою карту, убрал ее в карман брюк, подзатянул ремень и направился к стиральной машине. Вот представьте, как я отрываю нижнюю дверцу, как рядом с чистящими средствами я нахожу нетронутую упаковку, разрываю целлофан и вынимаю себе один – нет, – два рулона сверхмягкой – нет, – самой обычной туалетной бумаги.

Представьте, как я прохожу мимо стойки, как раздаются гудки.

Я чуть не подпрыгнул.

Представьте, как я подхожу к стойке, смотрю на боковой монитор и сквозь зерно вижу женское лицо, вижу ее поднятую руку, кистью выходящую за рамку монитора, я смотрю на то, как кривится ее лицо, как она барабанит по кнопке, просит впустить. И вот представьте, как гудит все вокруг, а девушки за стойкой не видно, представьте, как я сгибаюсь над стойкой, смотрю на свалку бумаг и буклетов под козырьком, как я нахожу нужную кнопку и кончаю с этой какофонией. Я смотрел на пустой экран.

Представьте, как от лестницы эхом расходится звук шагов.

Я дошел – нет, – добежал до своего номера, я впопыхах нанизал один из рулонов на держатель, второй рулон я поставил рядом с ножкой унитаза. Вот представьте, как я убираю очки в очечник, кладу очечник рядом с телефоном, в груди стучит сердце, представьте, как я выключаю светильники, как я испытываю дежавю – нет, – жамевю, представьте, что вы впервые узнали слова песни, которую до сих пор пели на слух.

Взгляните на дверь.

Нет, не на эту, эта в ванную.

На ту, что левее.

На входную.

Гладкое полотно, сутулая ручка. Видите зазор между нижней гранью и полом? Слышите шаги? Вот полоска света тускнеет, уступает место черноте, вот дверь, которую я оставил приоткрытой, описывает дугу и с глухим стуком бьется об ограничитель. В проеме появляется силуэт.

Представьте, как сама собой захлопывается дверь, как она в своем платье – нет, – в сарафане, приближается ко мне, и вот представьте, что она точно такая, какой я ее представлял, – от нее разит пойлом, разит куревом, пахнет дешевым цитрусом. В темноте я толком не вижу ее лицо, но вижу следы потекшей туши, я вижу черные зрачки, будто смещенные, съехавшие чуть в сторону от центра радуги. И вот представьте, как она проклинает меня, желает мне смерти, как она, пошатываясь, бросается ко мне, на меня, обвивает шею руками, чуть ли не плачет – нет, – вся в слезах, как она прилипает губами к моей щеке, сквозь поцелуи произносит:

Как же я скучала

Представьте, как ее речь звучит вторым голо- сом в моей голове, *как же я по тебе скучала* слов- но сквозь меня просвечивает кто-то еще, ему-то она и говорит, представьте себе двойную экспо- зицию, экранизацию подтекста *думаешь, я тупая?* представьте запах ароматизированного блеска, представьте, как мы пятимся назад, шаг за шагом, на ходу она снимает туфли, как ее руки скользят – нет, – шарят по талии моих брюк, как я думаю одно, жду другого *думаешь, я поверила?* А происходит третье. Представьте, как она рывками выдергивает ремень, едва не срывая петли, и вот представьте, как я икрами упираюсь в боковину кровати *что ты уехал?* как я валяюсь на кровать *думаешь, ты такой особенный?* как мне на лицо падают шелковистые во- лосы, как она целует меня, покусывает хрящ – нет, – мочку моего уха, как она шепчет *думал взять меня на слабо?* я вижу, как она сворачивает ремень, про- деваает его через балку изголовья и обвивает вокруг моей шеи *думал из-за нее броситься под поезд?* как она тянет за конец ремня, медленно тянет на себя *ты что, маленький мальчик?* чувствую, как железная бляха приминает кожу коньячного цвета, приминает мою кожу *ты что – соска?* она тянет ремень на себя – чем туже затягивает, тем легче дышать. *я знаю, как ты любишь* и вот представьте себе невесомость, полную декомпрессию *я сделала это для нас* нако- нец, я могу думать о действительно важных вещах *кто-то должен был сказать ей* я вижу, как тонкая полоска света падает на стол, липнет к ноутбуку, к записной книжке *сказать о нас* я ничего не кон- тролирую – нет, – я контролирую все и всех. Пред- ставьте, что этими записями я могу стереть их, как стер черные полосы ластиком, могу смять, как смял фольгу, я могу прихлопнуть их, как прихлопнул того комара, – эти кроты могут спрятаться разве что на том свете – нет, – не могут, для бога мертвых нет (я

не хвастаюсь, я констатирую). Я – их судья. Я – их палач. Я – их гробовщик *я готова быть кем угодно, но не готова быть никем (это цитата)* и вот пред- ставьте, как я лежу, размякши в пустоте, как свора- чивается, пенится темнота вокруг, контуры поверх контуров, представьте, что карта в кармане брюк вливается, самым уголком вливается и ей, и мне в кожу. Представьте, что стучат – нет, – колотят в дверь, что чем туже она затягивает ремень, тем свободнее я становлюсь, и я буду свободен столько, сколько смогу не дышать. Представьте, как она шеп- чет – нет, – просит – нет, – умоляет *войди* – нет, – *выйди в меня*. А в дверь все колотят, все срежисси- ровано как надо, не прикопаться. Представьте, как говорят в темноте два голоса (это цитата), как она шепчет на ухо, покусывает мочку, как сверкает черные зрачки, и вот представьте, когда уже почти, я говорю – нет, – думаю – нет, – я кричу, и тут можно даже процитировать:

– Как же прекрасна моя жизнь!

